

ЧЕХОВСКИЙ СЕРИАЛ

Владимир Лакшин: ЧУДО РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

Юрий Яковлев: ЧЕХОВ ОСТАЕТСЯ ЗАГАДКОЙ

Да, в скором времени, может быть еще осенью, мы увидим в программе Центрального телевидения первые три фильма из пятисерийной ленты «Путешествие к Чехову». Создатели ее сейчас находятся на Сахалине.

Творческое амплуа Владимира Яковлева Лакшина определить одним словом затруднительно: писатель, литературовед, историк и критик литературы, эссеист, театральный критик, автор свыше десятка телевизионных фильмов, интереснейших воспоминаний, в частности, об А. Т. Твардовском, с которым он долгое время работал в журнале «Новый мир». Широко известны его монографии об А. Н. Островском, книга «Толстой и Чехов». В. Я. Лакшина как исследователя всегда привлекала личность художника. В единстве личности писателя и особенностей художественного письма он ищет ключ к пониманию его творчества. «Я имел счастье полюбить, — говорит В. Я. Лакшин, — тех писателей, творчество которых изучал. Они привлекали меня как крупные личности, индивидуальности со своими необъятными духовными мирами». Мир писателя обязательно включает в себя места, с которыми он связан душевно. Толстой и Исаия Поляна. Блок и Петербург. Нетрудно продолжить аналогию и с Чеховым. Первый фильм так и называется — «Родился в Таганроге».

Слово — Владимиру Яковлеву:

У каждой из серий есть своя внутренняя задача, и я скажу об этом. Но это сверхзадача и у всего сериала: описать Чехова как явление русской и мировой культуры, понять неразрывность его личности и творчества. Фильм начинается с того, что мы сидим в боксе вахтанговского театра после спектакля «Насмешливое мое счастье». Сидим вместе с Юрием Васильевичем Яковлевым, который только что вернулся со сцены. Два человека — актер и артист — беседуют о великом писателе, которому они равно преданы. И спрашивают Яковлева: «Можете ли, вы, сказать, что до конца поняли его как художника, как человека?». Яковлев отвечает: «Я понимаю его глубоко, очень хочу его узнать, но во многом еще для меня манящей загадкой»...

Как развиваются события дальше?

— Так вот, Таганрог. Здесь очень многое напоминает о Чехове. Для нас было интересно проследить за первыми впечатлениями жизни Антона Павловича, понять, как из этого захолустья вырос великий писатель, как из среды, заурядной, отчасти с тяжелыми мещанскими традициями, откуда появился человек, свободный от тысяч предрассудков, которые он должен был бы впитать в себя. Мы пытаемся разобраться в этом чуде. Как сложился Чехов-человек — вот задача первой серии.

Вторая часть снималась в Москве и называется «Знаменитость № 887». Это чеховская шутка: первое место в русской культуре он отдавал Толстому, вторым номером ставил себя, а себе угодил № 887. Это Чехов периода Чехонте. И вот тут нас интересует, как сложился писатель, как он пробился из мелкотравчатой юмористики, плохоньких журнальчиков, сам написавший немало пустяков, собою как он вдруг вырос, возмужал... Как он, наконец, очутился на пороге сахалинской поезды, которая, по нашему разумению, стала вершинной его жизни. После этого

он по-другому думал и писал. «Палата № 6» никогда бы не появилась без этой поезды, как и ряд других вещей. Московская серия — это прелюдия к сахалинской. Фильм заканчивается так: мы с Яковлевым уходим из чеховского дома на Нудринской, и звучат слова: «Его ждал сахалинский маяк».

— До сих пор исследователи спорят, почему именно Сахалин?

— Действительно, почему эта точка на карте, а не другая. Мне это предельно ясно при всем множестве различных объяснений. Первым толчком была встреча с антрисой Каратыгиной в Одессе, которая сказала Чехову, что была на Сахалине и там «насмотрелась». Он думал, вот она насмотрелась, а я, писатель, нет. Как-то Каратыгина получила продолжение. За стеной комнаты Антона Павловича жил брат Миша, студент-юрист, он готовился к экзаменам по тюремному праву. Антон читает тетради Миши, вдумывается в написанное. Кстати сказать, дочь Михаила Павловича, племянница Чехова, участвует в нашем фильме.

— Но и это — Каратыгина, брат Михаил — всего лишь внешние обозначения.

— Но они находят свое подтверждение и в другом. Перед этим Чехов написал повесть «Скучная история». Это вещь драматическая и для автора очень личная, хотя герой ее старый профессор. Чехов к тому моменту жил спокойной, благоустроенной жизнью преуспевающего литератора. Его много печатали, он получил Пушкинскую премию. Он двигался на волне большого успеха. И Чехов испугался этой первой литературной жизни, перспективности успеха, который он считал малым, может быть, недостойным своего таланта, своих возможностей. Его мучит отсутствие более важной цели и даже некой-то критерий, определяющей мысли в своем творчестве.

— Что-то надо делать?

— Да! Такое решение просто не дается. На это способна только выдающаяся личность, неудовлетворенная тем, что есть, понимающая, что может больше. Я буду говорить в фильме о том, что в судьбе каждого крупного русского писателя был необыкновенный порыв к подвигу, свершению. У Пушкина — ссылка и дуэль, у Достоевского — Семёновский плац и каторга, у Толстого — Крымская война. Что у Чехова? В общественной жизни России того периода — застой, никакого внешнего движения. А он был человеком с огромным желанием действовать. И вот Чехов предпринимает это безумное путешествие, когда что-то уже свершилось, мы находим причины, объяснения, но когда это только готовится, все полны недоумения. Суворин: «Что ты делаешь, кому это нужно!». Судачили даже, что ему прочат пост губернатора острова, что есть искали хоть какую-то видимую цель. Домашние в отчаянии...

Через Сахалин, место невыносимых страданий для Чехова, хотел понять Россию. Он увидел, что одно из самых ужасных негласий людей — в легкой покорности судьбе, смиренности перед ней. И это horrible познание в его творчестве. Понял он, как поверхностна общительность протеста, с которым выступает интеллигенция. Это наблюдение он вынес из встреч с сахалинскими чиновниками. Чехов делает нравственный вывод для самого себя: «Нельзя покоряться и работать — в эти вещи он верил истово. Весь ход мыслей во многих его произведениях, в том числе в «Трех сестрах», — он отсюда, с Сахалина».

— Но это уже тема следующей серии?

— Да. О том, что еще не сделано, я и не хотел бы говорить, скажу только, что четвертый фильм, который мы будем снимать в Мелехово, называется «Ленарь Антон Пав-

лович» и пятый, заключительный — «Письма из Ялты». У нас постоянный съемочный коллектив во главе с режиссером Юрием Васильевичем Козыновым и оператором Владимиром Михайловичем Качулиным.

— И народным артистом СССР Юрием Яковлевым. Как родилось ваше творческое сотрудничество?

— Я не очень-то надеялся на его согласие. Юрий Васильевич — актер нарасхват, время у него расписано. Мы с ним беседовали часов пять, выяснили взаимную заинтересованность в работе над Чеховым, горячо, Яковлев загорелся, отназвавшись от многих других предложений.

— Какова же новая роль Яковлева в фильме, по сути научно-популярному?

— Мы с ним разговариваем в кадре, иногда спорим — каждый о «своем» Чехове, он читает, играет куски из чеховских произведений в условном интерьере. В сахалинской серии Юрий Васильевич читает отрывки из рассказов: «Палата № 6», «В ссылке». Он — актер редкого дарования, для нас, в частности, ценно, что Яковлев одинаково замечательно исполняет юмористические вещи и серьезные, трагического накала. Работать с ним одно удовольствие. Привлекают его деликатность, демократизм, простота, доброжелательность... Но главное — это трепетное отношение к Чехову и то чувство ответственности, с которым артист работает в нашем фильме.

...В тот день съемочная группа выезжала на Холмский перевал. Пошел дождь, автобус застрял. Случайный тягач вытащил машину уже поздним вечером. А через несколько часов москвичи отправлялись в Александровск на съемки третьей серии, названной «Сахалинский маяк».

До поезда оставалось совсем немного, когда в гостиничный номер Лакшина зашел Яковлев. После знакомства Юрий Васильевич продолжил разговор:

— Антон Павлович прочно вошел в мою жизнь, и я подумал, что мне будет стыдно, если я, при всех возможностях нынешней цивилизации, не поеду на Сахалин, тогда как любимый мной Чехов добирался сюда на лошадей... Сегодня мы порядком устали, но я был рад увидеть то, что никогда не видел, и мысленно хотел поставить себя в те условия, в которых 92 года назад находился Чехов.

Потом речь зашла о драматурге Леониде Малогине, который за год до смерти поживал на Сахалине и говорил, что ему трудно было бы написать о Чехове главное, не приехав на остров.

— Вот как раз перед поездкой на Сахалин, — вспомнил Яковлев, — Леонид Антонович передал в наш театр свою пьесу «Насмешливое мое счастье» и сказал, что, кроме Яковлева, никого не видит на роль Чехова. Не скрою, мне это было очень приятно. Скоро будет юбилейное, 300-е представление спектакля.

— Потом вы играли в фильме «Сюжет для небольшого рассказа»...

—... который заканчивается тем, что Чехов решает ехать на Сахалин. А теперь будет фильм о Чехове уже на острове. Но чтобы это случилось, нам нужно торопиться. Поезд не ждет...

Евг. БАБКИН.